

СЕРГИЕВ ПОСАД и Троице-Сергиева Лавра в нём подобны собирающей линзе. Здесь особым образом сопрягаются события, судьбы, эпохи. Жизнь обители и города — летопись Отечества, но не с привычной хронологией "по-годным" записей: прошлое, настоящие и будущее тут не сменяют друг друга, не следуют друг за другом, а существуют одновременно. Такая одновременность бытия говорит о том, что близ Лавры ничего не исчезает, не умирает, не перестаёт. Каждое благое деяние, слово, помышление прорастает, рождает плоды, становится для нас живой актуальностью. Отец Павел Флоренский в начале XX столетия назвал Лавру "конспектом бытия нашей Родины". Но теперь она, пожалуй, и не конспект, а развернувшийся свиток, обширное писание о нас таких, какими мы угодны Богу. И до этого Божьего виденья ещё предстоит doracи, doracи до лаврской высоты и необъятности.

Каждый год жизни Посада — череда юбилеев, возникших из разных веков, но непременно связанных друг с другом. 2022-й — год 600-летия обретения мощей преподобного Сергия. Год 140-летия со дня рождения и 85-летия со дня гибели Павла Флоренского. Год 25-летия московского музея в его честь, который стал воплощением того, что сам отец Павел называл "живым музеем", где каждая вещь связана с творческой энергией своего творца, где русской

философии уютно, где способны рождаться смыслы и прозрения.

Обретение мощей в этой юбилейной череде первостепенно. Но всякая дата, связанная с Преподобным Сергием, всякий разговор о нём всегда приводит и к Павлу Флоренскому, к его трудам и радениям. Всякий юбилей, связанный с Преподобным, — чествование и отца Павла. И это не только оттого, что священник и философ большую часть жизни прожил под покровом святого, у его обители. Есть ещё более глубокие причины такой связи.

В акадесте преподобному Сергию есть особенно важные для понимания подвига святого слова: "Радуйся, от юности на тело своё, на мир сей и диавола вооружившийся; радуйся, постом, поклоны, стоянием на молитве, бдением умертвивший плоть свою". В этом умерщвлении плоти, одолении

плотского греха — победа небесного над земным. Потому мы так почитаем мощи святых, потому от мощей происходит чудотворение, и обретение их празднуется в Православной Церкви сугубо, словно ещё один день памяти святого.

Как и шесть веков назад для русского человека приложиться к мощам преподобного Сергия — великая радость, осознание того, что рядом с нами пребывает "игумен земли русской", остаётся заступником за всех нас. Это и осознание, что не распалась связь времён, что мы вопреки всем потопам и ураганам сохранились как народ, благодаря тому, что сегодня, как и наши предки, мы можем с молитвой приблизиться к раке в Троицком соборе.

Эта связь времён и поколений тянулась через все пропасти истории. Не жалая жизни, русский человек оберегал свои святые, выносил из пожара эпох. В XIX столетии XX века мощи многих святых могли быть утра-

11 апреля 1919 года, по решению Московского губисполкома, в Троицком соборе прошло вскрытие мощей преподобного Сергия, то есть снятие с них покровов и выставление честных останков на всеобщее обозрение. Большевики специально оставили их открытыми, рассчитывая, что вид тленных, как и у всякого смертного, костей отдалит людей от Церкви.

Но антирелигиозная акция обернулась торжеством Православия. Насколько дейно со всей страны к святому Сергию шли люди. Они касались губами его главы: не было ни крышки, ни пелён. Целую, закрытую глазу, чтобы не осквернить своим взором Преподобного.

Поздней ночью после вскрытия в собор вошёл Павел Флоренский. Он долго смотрел на мощи, особенно пристально на главу, будто пытался запомнить её во всех деталях. Неведомое благоухание исходило от раки, наполняло весь собор.

Весть о предстоящем вскрытии Флоренский обдумал тогда с Олсуфьевым. Они поспешили к наместнику Лавры отцу Крониду. Всем ясно, что вскрытием мощей глумление не закончится. Святяны может быть вовсе уничтожена. Потому надо обещать хотя бы часть честных останков. Решают спасти главу Преподобного, подменив её другим черепом.

Вероятнее всего, сокрытие главы состоялось в промежутке с 11 по 16 апреля 1919 года, когда члены Комиссии по охране памятников старины и искусства Троице-Сергиевой лавры, в числе которых были Флоренский и Олсуфьев, имели свободный доступ в Троицкий собор, а мощи были выставлены на всеобщее обозрение ничем не прикрытыми.

Но как бы там ни было, благословлённые патриархом и архимандритом Флоренский и Олсуфьев отправились к жившему в Посаде князю Владимиру Сергеевичу Тру-

Копали глубокой ночью. Благоговейный страх от соприкосновения со святыней сменялся страхом быть замеченными. Кажется, вот-вот в соседних домах закрутятся окна или остановится у сада случайный свидетель. Софья Владимировна под пристальным наблюдением органов: ей везти нельзя. Голубцов — единственный возможный даросец. Главу он положил в обычную хозяйственную сумку, плотно обернул газетой.

Ранним утром уже был на вокзале, поезда ещё не ходили. Чтобы не привлекать внимания, пошёл пешком. Дошёл до Хотькова или Абрамцева. Оттуда уже поехал. Но по-прежнему хотелось идти, хотелось быть паломником. Казалось бы, святяны у тебя в руках, но ты должен до неё дойти — всей своей жизнью, всей душой, своей молитвой. Потому не сядешь, а шёл от вагона к вагону, через весь состав, словно пытался ускорить прибытие. "Садиться нельзя, нельзя главу класть на лавку, ведь скверна

сле войны, как и предрекал духовный отец, вернувшийся целым и невредимым Павел Голубцов забрал из церкви в Виноградово главу и передал её Екатерине Васильчиковой, а та отвезла патриарху, и он велел без отлагки вернуть главу к остальным мощам. Стигматы, оставленные Флоренским, сохранились. Главу же Трубецкого, что послужила в таком богоугодном деле, совершив панихиду, похоронили близ алтаря Духовской церкви в Лавре.

Таина сия для широкого круга могла остаться нераскрытой. Все посвящённые в неё связали себя обетом молчания до той поры, когда обо всем будет говорить свободно. Завесу тайны уже в старости, путаясь в фактах и последовательности событий, рассказывая всё же с некоторой опаской, приоткрыли Павел Голубцов и Екатерина Васильчикова. Но непосредственных участников изъятия главы — Флоренского и Олсуфьева — к моменту её возвращения уже не было в живых, хотя именно отец Павел оставил самое ценное свидетельство. Он всё подробно изложил в записке на греческом языке, надеясь, что такая шифровка не позволит разгадать тайну посторонним. Записку в семейном архиве Флоренских, к сожалению, найти не удалось.

Это изъятие стало одним из главных подвигов отца Павла. Спасая мощи преподобного Сергия, он спасал Троице-Сергиеву лавру, переносил её в новую эпоху, уподобляясь святым, которых изображали на иконах держащими в руках белокаменные храмы. А спасая Лавру, спасал вечную Россию, скреплял распадающееся время.

"Лавра есть осуществление или явление русской идеи", — убеждал Флоренский в ту пору, когда порывались уничтожить мощи и закрыть Лавру. Чтобы понять Россию, нужно понять Лавру. А чтобы понять Лавру, нужно понять её устроителя — преподобного Сергия — поборника единства России, её духовного и державного укрепления, понять того, кого уже при жизни считали святым. Понимание же преподобного Сергия невозможно без постижения идеи Троицы, в честь которой на месте будущей Лавры Преподобным был построен первый деревянный храм и уже его восприимчивиками возведён каменный собор. Всё, что разделялось, обречено на смерть, Троица же "побеждает страх ненавистной раздельности".

Принявший в 1937 году мученическую смерть Флоренский вместе с Преподобным держал линию обороны во время войны, благословлял на праведный бой своих сыновей-фронтовиков.

Мощи не уничтожили и вернули верующим благодаря тому, что нашлись подвижники веры, те, кто спас и сохранил часть святяны. Бог вознаградил их райскими чертогами, благодарной памятью потомков, духовными откровениями. А Отечеству дал силы одолеть врага и возродить главную обитель.

Наверное, записка отца Павла на греческом языке потеряна неслучайно: преподобному Сергию угодно, чтобы на том, что стало со временем явным, сохранился хотя бы один покров тайны.

Промыслительно и то, что каждый, трудившийся для спасения главы, прожил свою жизнь как подвиг. Иные — Флоренский, Олсуфьев, Олсуфьева — вошли на Голгофу, иные стали монашествующими: Екатерина Павловна Васильчикова в день памяти святого Сергия приняла постриг с именем Елизавета и в препоклонных летах упокоилась в Малоярославском Никольском женском монастыре; Павел Голубцов возрос в духовного светоча, весьма почитаемый архиепископа Новгородского и Старорусского Сергия и завершил свой земной путь в Троице-Сергиевой лавре.

На Пасху 1946 года с особой радостью подошли к раке преподобного Сергия, ощущая это как второе обретение мощей Преподобного, как подлинное их открытие.

Если сердце твоё открыто и молитва горя твоя, то сегодня, приближаясь к раке, в веренице паломников ты можешь разглядеть светосного мужа, очень похожего на Павла Флоренского.

Быть может, в иконографии православных икон когда-нибудь появится сюжет, где преподобный Сергий благословляет мученика Павла, где оба они стоят на Маковце, озарённом Фаворским светом. Два столпа веры из разных веков, встретившиеся в небесной вечности.

Михаил КИЛЬДЯШОВ

НА 82-М ГОДУ ЖИЗНИ ушёл Сергей Андреевич Небольсин. Почему все великие русские филологи, которых забрал неумолимый последний год, происходили именно из Пушкина? Фёдоров, Небольсин? А незадолго до них — Палиевский, называвший Пушкина "золотым сечением русской жизни"?

Ещё раньше — Достоевский, сказавший о "всемирной отзывчивости" нашего поэта, которую тот наиболее полно "разделил" с народом своим? А до автора "Братьев Карамазовых" — Белинский и Гоголь, увидевший Пушкина "русским человеком в его развитии через 200 лет"? А после них — Блок. А с ним Ходасевич, призывавший "перекликаться именем Пушкина в наступившей темноте"?

Почему, наконец, скромный автор антологии грузинской поэзии начала XX века, впоследствии всемирный вождь народов Советской России, Сталин, именно Пушкиным скрепляет единство молодого государства накануне величайшей мировой войны в переломном 1937-м? А священномученик Павел Флоренский, расстрелянный в том же году, уже буквально из могилы благословляет это "возвращение Пушкина" как спасение для русского народа?

Я думаю, что небанальный ответ на этот вопрос содержится и в формуле Аполлона Григорьева, и в связанном с Пушкиным русском торжестве позапрошлого века, которое Поль Валери назвал "одним из трёх чудес мировой истории: Эллада, итальянский Ренессанс и Россия XIX века". Здесь же и XX-й век, который по праву сегодня называют во всём мире "русским": Шолохов и Есенин, Победа во Второй мировой войне и полёт Гагарина, спорт и кинематограф...

Не осталась в стороне от общего русского дела и царица наук филологии. Без имени М.М. Бахтина сегодня, в веке XXI-м, уже не представляемо всемирное филологическое знание. И дело не только в том, что его учение о полифонии, диалоге и карнавале прочно вошло в культурный обиход всего мыслящего человечества, но и в том, что наиболее плодотворные культурно-исторические оппозиции его учению сами по себе стали едва ли не единственным подлинным новым словом в русской филологии. Мне уже доводилось рассказывать читателям "Завтра" о философско-литературной концепции "Слова как единственного субъекта бытия" ученика и оппонента Бахтина, профессора Донецкого национального университета Владимира Викторовича Фёдорова, в статье, посвящённой его памяти.

Печальная весть о кончине ещё одного оппонента Бахтина — Сергея Андреевича Небольсина, делает уже необходимым рассказ и о его осмыслении всемирного пушкинского пространства единой человеческой культуры, "подлинно народной" в терминологии Небольсина, что у него одновременно означало и истинной.

Итак, напомним суть вопроса. Учение М.М. Бахтина о карнавале и амбивалентности в творчестве Рабле почти мгновенно было изъято западными последователями русского мыслителя из области чисто филологической и перенесено на практически все проявления человеческой культуры, и больше того — социологии, психологии и т.д., в качестве фундаментальных склонностей человеческой природы, которая, явив себя

чены, но находившие подвижники, усилиями которых честные останки обретались вновь. Так было с мощами Серафима Саровского, Митрофана Воронежского, Симеона Верхотурского, Саввы Сторожевского, Александра Смирского.

Было второе обретение честных останков и святого Сергия. В православном календаре в память о том нет особой даты, но это обретение было, был подвиг спасения.

СЕРДЦЕ Троице-Сергиевой лавры — Троицкий собор и мощи преподобного Сергия в нём. Те, кто после революции порывался уничтожить Лавру, понимали, что поразили её нужно в самое сердце. Понимали, что даже выселение монахов и закрытие храмов не остановит потока молящихся, величающих "ангелхранителя России".

ВЕЧЕР. Флоренский у искусствоведа и церковного реставратора Юрия Александровича Олсуфьева. Тот принимает у себя только самых близких людей, остерегается посторонних. И вдруг на пороге появляется незнакомая женщина — разыскала отца Павла, не застав дома. Что за срочность? Женщина, рыдая, просит исповеди.

— Отец! Дочка у меня замужем за комиссаром. Тому сегодня звонили и, я услышала, сказали, что на днях будут вскрывать мощи Сергия. Святотатство какое! Надо что-то делать! Вы же можете помочь, повлиять. Попросите Троцкого. Он ведь знает вас. Пусть заступится.

Флоренский прячет глаза. Явно тяготеет к неожиданной просьбой. Вполголоса, не твёрдо говорит:

— Троцкого просить не буду. На всё воля Божья.

Пришедшая поражена, в душе негодует: устранился. Поскорей расстался, лишь добавил, что со вскрытием мощей Преподобный станет ещё и мучеником.

После Флоренскому привиделся сон. Богослужение в Троицком соборе. Множество народа. Рака стоит не на привычном месте, ближе к соле. Неожиданно в ней раздаётся треск и хруст. Флоренский заглядывает в неё и видит, как срываются кости Преподобного, обновляются, покрываются кожей. Вот-вот Преподобный воскреснет, как живой. И только глава его почему-то не обновляется, остаётся мощами.

беckом просить разрешение на изъятие черепа одного из Трубецких из родового склепа, находившегося в подклёте Троицкого собора. Неведомо, как отреагировал на это Трубецкой: может быть, вознегодовал, отнесся ко всему, как к кощунству, а может быть, почтил за высокую честь такое служение Отечеству. Но в любом случае разрешение было дано.

Флоренскому и Олсуфьеву из наиболее древнего захоронения в склепе удалось подобрать подходящий череп. Затем все трое вошли в собор. Горячо помолились. Подступились к мощам. Благоговение и страх. Осознание великой тайны и таинства.

При жизни преподобный Сергий страдал болезнью костей, отчего основание черепа и верхний позвонкок срослись. Главу Флоренскому пришлось отделить церковным копейком, что используется для вынужения частиц из просфор перед Евхаристией. На главе и позвонке отец Павел оставил стигматы — меты, по которым после можно было бы определить единство мощей.

И вот глава Преподобного в руках Флоренского: всё тот же весенний аромат, тепло живого тела. Главу, положив в дубовый ларец из-под серебряных пожек, сокрыли в ризнице, где среди множества церковных предметов могли ориентироваться лишь отец Павел и Олсуфьев.

20 апреля 1920 года, когда Лавра уже была официально закрыта, формируется Комиссия по распределению имущества и помещений Лавры. Неожиданно для близких Флоренский соглашается войти в состав Комиссии. Теперь понятно, что он заботился о сохранении главы Преподобного, для чего надо было держать под контролем всё происходящее в ризнице.

Но накануне Олсуфьев успел забрать святыню домой. В его доме на Валовой улице ковчег с главой, замаскированный под подставку для пальмы, хранился несколько лет. В эту пору в тайну сокрытия были посвящены жена Олсуфьева Софья Владимировна и юная племянница Екатерина Васильчикова.

В 1928 году, когда по Посаду пошла волна арестов, Олсуфьев закопал главу в саду. Юрию Александровичу и Софье Владимировне удалось избежать участи прочих посадских дворян благодаря командировке на реставрационные работы в Новгород.

Флоренский и Васильчикова арестованы. Олсуфьевым возвращаться в Посад рискованно. Они поселяются в Люберцах. Оставяя главу закопанной в землю на зиму опасно. Тогда Олсуфьев посещает в тайну ещё одного человека — Павла Александровича Голубцова — молодого художника, сына профессора Московской духовной академии. Они были знакомы ещё в Посаде, но для главного общего дела встретились в Москве, вместе занимаясь реставрационными работами.

Посвящённому в тайну Голубцову предстояло приехать с Софьей Владимировной в Посад, выкопать в саду главу и привезти её Олсуфьеву в Люберцы.

кругом. Десятки глаз пристально, с каким-то подозрением смотрят. Вдруг сейчас кто-то выхватит сумку. Или преградит дорогу чекист, арестует, и я, недостойный, загублю богоугодное дело". Но Бог милостив. Голубцов доехал благополучно. Главу вновь окзалась у Олсуфьева.

Началась Великая Отечественная война. Олсуфьев к тому времени расстрелян на Бутовском полигоне. Флоренский, как многие ещё думают, в заключении. Софье Владимировне тоже грозит арест. Павла Голубцова не сегодня завтра призовут на фронт. Оставяя главу в Люберцах в надежде лишь на Васильчикова, с которой тоже может случиться всё что угодно, Голубцов не решаетеся.

Он отвозит святыню в церковь Владимирской иконы Божьей Матери в селе Виноградово под Москвой. Настоятель храма — схиархимандрит Иларион (Удодов) принял великую схиму на Афоне, где ему явилась Богородица и сказала о его особом предназначении. Служивший в виноградовской церкви с 1936 года отец Иларион в какой-то момент по неведомой никому причине стал строить придел в честь преподобного Сергия. Так старец готовил обитель для святого, храм-ковчег для его честных мощей. Приняв главу из рук духовного сына, схимник сказал, что Бог бережёт его на фронте и святяны непременно вернётся в свою обитель.

В СЮ ВОЙНУ глава хранилась под престолом в алтаре церкви. Прихожане чувствовали, что службы в ней стали особенно благодарными, будто неведомый ходатай слышит все молитвы и доносит их до Вседержителя. В первый год войны село оказалось в восьми километрах от линии фронта. Но враг не одолел той духовной обороны, на рубеже которой встал "игумен земли русской".

Близ линии фронта оказались и остальные мощи Преподобного. Их в итоге нигде не вывезли, не уничтожили. Не мощи попали в музей, а музей Троице-Сергиевой лавры промыслительно обустроился вокруг мощей. В музее был организован специальный антирелигиозный отдел "Главы Сергия", где рака с мощами стала главным экспонатом, привлекающим посетителей, потому её берегли как зеницу ока.

В начале войны мощи вместе с главными ценностями музея эвакуировали через Москву в Соликамск. Вне родной земли рака пробыла с 25 июля 1941 по 19 ноября 1944 года. После возвращения мощей отдел "Культа Сергия" уже не восстанавливали. А 20 апреля 1946 года, накануне Пасхи и возрождения Лавры как действующего монастыря, мощи вернулись на своё историческое место в Троицкий собор для почитания православными.

Тогда же схиархимандрит Иларион (Удодов) как один из самоотверженных хранителей святяны возложил честную главу к мощам, по благословению патриарха Алексия I. Он тоже был посвящён в тайну. По-

высоты, заметное даже в стати и осанке тех, кто сошёлся в хор и круг. Да, именно оно — непрекращаемое господство неба и верха над низом...". у С.А. Клычкова о литературе, в частности, о поэзии — "всё зависит от того, как слово брагуется с другим словом, как оно берётся с другим словом за руку, чтоб войти в плавный и величавый словесный хоровод". Здесь уместно вспомнить и противоположное эстетике пушкинского и карнавальное утверждение А.С. Пушкина: "Прекрасное должно быть величавым...". и эстетические установки русской культуры (согласно С.А. Небольсину) "и культуру всех искренних народов".

Нам остаётся только отметить, что для русской культуры вообще образ хоровода главенствующий. Хоровод как круговой танец и песня часто появляется в обычаях и обрядах русского народа, литературных и музыкальных его произведениях и символизирует подлинную народность и гармонию — или чаемую, или утраченную и недостижимую.

Стихи карнавала в русской культуре противопоставляются культуре хоровода — с несомненным торжеством "верха" над "низом" и вертикальностью мироощущения. Карнавал и временное торжество "низа" в художественном пространстве (например, в прозаической трилогии упоминавшегося уже С.А. Клычкова) всегда сопутствуют неправедности (городской жизни, капиталистическому или сектантскому карнавалу) или сопровождают падение праведника (ретирада главного героя из покоев любовницы на свинье в "Сахарном немце", падение "староверческого отшельника" на деревенской свадьбе в "Чертунинском балакире", затание будущего капиталиста Серго Барина от ржяженного (неизвестно, какого) отца, переодевания в поклоя Рысачихи в "Князе мира" и т.д.). Хоровод же, напротив, или сам становится преддверием окончательного бытия (как в "Сахарном немце"), или служит исправлению реальной жизни, где в совместном хороводе выпрямляются и хорошеют кривые и убогие (как в "Чертунинском балакире").

Учение Небольсина о хороводе как о сущности подлинной культуры ещё ждёт своих последователей. Оно более чем востребовано в современном мире непрекращающегося уже ни на секунду карнавала, который его тайные и явные адепты распространили сегодня на всё: на политику и культуру, человеческие отношения и ценности, даже величайшие таинства человеческого бытия в этом мире — рождение и смерть — обставлены теперь непристойнейшим карнавалом и кривлянием.

И неслучайно, что напоминание о всечеловеческом братстве и хороводе, исполненном величайшего гуманистического единения и Боговажданного приобщения и достоинства, — звучит в начале XXI века опять из России:

В последний раз — опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз на светлый братский пир
Съезжает евразская пир!

Это не только Блок. Это и Пушкин. И Есенин. И Клычков. И Небольсин!

Алексей ШОРОХОВ

ХОРОВОД ПРОТИВ КАРНАВАЛА

Памяти Сергея Небольсина

в масленице и святочных переодеваниях (вариант — венецианском карнавале и средневековом "празднике дураков"), непременно должна заканчиваться "цветными революциями", майданом и гей-парадом. У С.А. Небольсина можно найти такую оценку этого неуместного "расширения": "Согласно сложившейся филологической практике, бахтинское учение о карнавале стало нередко отождествляться с народной культурой вообще, якобы явленной у Достоевского (Рабле, Гоголя и т.п.), что постоянная у них хорошая, драматичная, трагикомичная, попросту всецелая смена ценностей на противоположные и обратные — "верха" на "низ" — с торжеством низа над верхом, с торжеством чрева и чресел над сердцем, разумом, нравственностью, начальством, верой и душой — всё это есть сущность и дух радостного народного познания на вещи. Она проявлена в карнавале, в святочном и масленичном гулянье у любого народа. Правда, "Бобок" у Достоевского сводит весьма неприглядные и едва ли народные фигуры и побуждения (их позунг — "заголимся и обнажмимся"). Но корни и здесь, если сильно углубиться, всё же выведут к народности. Что, разве в Содоме и Гоморре проживала не народность?..."

С.А. Небольсин продолжает: "Учение Бахтина о карнавале — "антирепрессивное", "демократичное", "еретичное" или ереселюбиевое, всемирно-освободительное, раскрепостительное и т.п. — заслуживает пересмотра.

И оно едва ли заслуживает приписывания ему той импозантности и всеобъемлющей силы, которую в нём находят, но которой это учение не имеет.

Да, карнавал вроде бы явление давнее, повсеместно находимое и даже сверхдревнее (содомизм, динонсийства, ваханалии, сатурналии и т.п.). И карнавал известным образом "раскрепощает". Но скрепляет любую из мировых культур не карнавал (Лобая из мировых культур — это не только культуры "великие" и со всемирным авторитетом. Это культура вообще любого искреннего народа.). И раскрепостителен карнавал для разных его любителей по-разному.

Какова же разность субъектов карнавала, не позволяющая ему считаться универсальным образом или символом для культуры? Отчасти мы её касались: с одной стороны — русская масленица, с другой — Санкт-петербургский "Бобок".

Но главное, что ведущая и крепящая основа, дух и сущность культуры — это и не карнавал вообще, а хоровод".

Больше того, карнавал недвусмысленно характеризует именно маргинальность (выключенность из единой народной жизни) его носителей, которая не имеет ничего общего с народной культурой, и отличает, по справедливому замечанию С.А. Небольсина:

1) либо "культуру петербургскую", определяемую карнавальным лозунгом: "заголимся и обнажмимся"; культуру, возникшую из "барской зевоты" и "ложной учёности" (по С.А. Клычкову) с её атмосферой переодевания, обмана и двойничества; 2) либо маргинальную культуру, культуру народного "низа", отъединённую от здоровой общенародной культуры или сектантством, или специфической узкой и тёмной областью колдовства и чертовщины "с карнавальностью сборки на Лысой горе";

3) либо культуру, которая возникает на слиянии первых двух и которую можно условно обозначить, как "капиталистическую" (вспомним роль сектантства и сектантской культуры в возникновении "капиталистического" карнавала. Как пишет исследовательница вопроса Н.М. Михайлова: "В протестантской Европе учёные уже давно обратили внимание на неразрывную связь духа капитализма (духа наживы) с духом протестантского секта. Одна из работ Макса Вебера, изучавшего протестантскую этику, так и называется — "Протестантские секты и дух капитализма". Исследования о связи сектантов России с духом наживы не существуют, хотя известно: уже ко времени Екатерины II три четверти (75%) русского капитала и большая часть промышленности (Север, Урал) оказались в руках "вечно гонимых" раскольников. Эта доля не уменьшилась, но увеличилась к началу XX столетия..."

В русской культуре карнавалу сектантства и нарождающегося капитализма неизменно противопоставляется центральный, на наш взгляд, и определяющий для народной поэтики образ — образ хоровода.

НЕБОЛЬСИН именно и предлагает постигать сущность подлинно народной культуры через образ хоровода (противопоставляя его бахтинскому карнавалу: "Хоровод, как частность культурного бытия, — пишет он, — есть просто круговое движение с общей песней и пляской. Как объяснение "сущности культуры", это всего лишь образ. Однако ничто лучше и не способно постичь любую сущность, чем образ. Именно поэтому мышление образами, особенно звуковыми, и есть высший вид мышления. (Таково искусство слова, включая фольклорное, и музыка, включая народную...)".

С.А. Небольсин приводит основные "культурообразующие или культурно всеобщезначимые качества" хоровода: "Они составляют прочную и знаменательную совокупность (парадигму). Прежде всего — действие совместно и сообща. Прочное единение, надёжная, ибо тут уже подлинная, круговая порука. Единение голосов, движений и даже собственно искусств. Телесное здоровье, его ценность и его радость. Свобода самовыражения без нахальства и стянутость бо-

дых и крепких единиц в кольцо. Мощный разлёт и упорная центристичность — к ядру круга, к притягивающей бездонности матери-земли. Бесспорное господство высоты, заметное даже в стати и осанке тех, кто сошёлся в хор и круг. Да, именно оно — непрекращаемое господство неба и верха над низом. Разве не такова культура любого здорового общезищества?

Отсюда всемирная прославленность и всех искусств, рождённых хороводом. Примеры, возможно, общеизвестны. Важно лишь подчеркнуть снова, что хоровод — это не просто народно-корневое искусство: это больше — это вся культура здорового общезищества. Ибо хороводен, в образном смысле (то есть в наиболее постигающем любую сущность смысле), любой вид здоровой и здоровой человеческой деятельности: не только праздник на поляне, но и повседневный труд. И не только в России или у славянства, но и у негров Африки либо в Латинской Америке, хотя бы там раз в год, как проходной уличный обряд, и торжествовал свою масленицу именно карнавал..."

Выводы С.А. Небольсина о хороводе, о сущности здоровых и подлинно народных культур (у него — "культуру искренних народов") буквально слово в слово повторяют и разъясняют написанное почти сто лет назад в статье с характерным "карнавальным" названием "Лысая гора" другом Есенина, поэтом С.А. Клычковым:

"В поэтическом языке старости нет. Все слова молоды, здесь вечно бьёт ключ вечной юности. Каждое слово у каждого поэта живёт по-разному — у одного оно старцем из пустыни выйдет, у того — старушкой с клюшкой горбится — по-разному на слово падает свет из творческих тайников, и всё зависит от того, как слово брагуется с другим словом, как оно берётся с другим словом за руку, чтоб войти в плавный и величавый словесный хоровод. Ведь в хороводе каждая девка красна, говорит народ. Потому-то все слова хороши — нет слов плохих и нет слов хороших. Что с того, что подчас слово рыбое, косяное? — оно в хороводе сойдёт, лишь бы только хоровод водился и на хороводном кругу запевал запевало; что с того, что в ряд станет старая старика — старый конь борозды не испортит. Вот почему Пушкин и обмолвился как-то: из мелкой сволочи вербую раты! Потому-то и нельзя так подойти вдруг и вытащить за руку: смотри, мол, какая ж она рыбая! — дёрнуть две-три цитаты с бков и из середины и восторгаться новизною слова или хулить и поносить за трафарет. Цельность поэтического произведения, хороводность слов и строк делает и самую удачную цитату убедительной — недаром народ говорит: из песни слова топором не вырubiшь..."

Отметим прямую перекличку: у С.А. Небольсина о культуре вообще — "бесспорное господство